

Кризис либерально-рыночной модели глобализации

Р.Х. Симонян

Глобализация – поступательное движение человеческого сообщества к всеобщности и к адекватной ей целостной системе мироустройства. Историческая практика показывает, что переход к новому состоянию общественных отношений сопровождается кризисами. Причины и глубина кризисов коренятся в диалектике сопровождающих этот переход объективных и субъективных факторов. В нынешнем кризисе глобализации значительная роль принадлежит субъективным факторам развития общества – политической воле и общественным институтам, анализ которых составляет содержание статьи. Обосновывается, что одной из основных причин кризиса нынешнего этапа глобализации является доминирующая в современном мире неолиберальная модель экономики. Эта модель порождает совокупность острых общественных противоречий – социальных, экономических, политических, культурных, экологических, нравственно-психологических, определяемых как «глобальные вызовы». Нынешняя политэкономическая модель, повышающая уровень рискогенности современного мира, нуждается в замене – проблема, в решении которой большее значение отводится субъективному фактору исторического процесса, становится всё более актуальной для научного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобализация, неолиберализм, монетаризм, социальная поляризация, реэтнизация, рискогенность.

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

sim@isras.ru

Статья поступила в редакцию 30 января 2018 г.

Цитирование: *Симонян Р.Х.* Кризис либерально-рыночной модели глобализации // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 16–25.

В новейшей истории социальные закономерности в значительной мере дополняются и корректируются субъектами, или акторами, социального действия. «История перестала быть естественно-историческим и становится социально-историческим процессом» [Штомпка 1996, 290]. Даже абсолютизируемые марксистами «объективные потребности общественного развития» не могут оказать влияние на действительный ход событий, не пройдя, так или иначе, через головы людей, не превратившись в их сознание, установки, побудительные мотивы поведения. «В наше время решающую роль приобретают факторы субъектные (включая науку), т.е. способность социальных субъектов (от рядовых граждан до национальных правительств и международных объединений) реагировать на внутренние (в рамках данных обществ) и внешние (со стороны миросистемы) вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным» [Ядов 1998, 11]. Это в полной мере относится и к тенденциям глобальных процессов.

Понятие «глобализация» вошло в научный оборот в 90-х гг. XX в. Так было обозначено формирование принципиально новой всемирной системы, характеризующейся усилением планетарных процессов в направлении экономической, политической и культурной интеграции. Субъектом глобализации выступают развитые страны,

в первую очередь США, а большинство остальных становятся его объектами. Отсюда, естественно, как заметил Дж. Стиглиц, что глобализация превращается в американизацию [Стиглиц 2003, 24].

Для такой страны, как США, проблемы глобализации, как и проблема выбора внешнеэкономической стратегии, носят совершенно иной характер, чем для других государств. США обладают наибольшими возможностями влиять на общий ход мирового развития, а главное, приспособить характер миропорядка к собственным потребностям. США в меньшей степени зависят от внешних рынков, деятельности транснациональных банков (ТНБ) и транснациональных компаний (ТНК), чем другие страны мира. Финансовая глобализация превращает Федеральную резервную систему США в центральный банк большинства развивающихся стран. Поэтому защита экономического суверенитета государств становится несовместимой как с глобализацией, так и с целями американской политики.

Объектами глобализации оказались бывшие социалистические страны, идущие от командно-административного управления народным хозяйством в сторону свободного рынка. Мировая экономика стала единой рыночной системой, в основе иерархичности которой заложен различный уровень экономического развития. В результате, по мнению И. Валлерстайна, Запад оказался «центром» целостного мира, а остальная его часть – «периферией». «Центр» создает, контролирует и эксплуатирует «периферию» [Валлерстайн 2006, 179]. Таким образом, изменения в мировом хозяйстве, происходившие в конце XX – начале XXI вв., способствовали созданию, по выражению М. Кастельса, «глобальной асимметрии», которая усиливается в условиях однополярного мира, возникшего после распада СССР. Да и сами американские политики не скрывают этого. «Мы внезапно оказались в уникальной позиции, – констатируют Дж. Буш и Б. Скоукфорт, – которая предоставляет нам редчайшую возможность на свой лад формировать мир» [Bush, Scowcroft 1999, 564].

Французский историк Ф. Минье писал о роли субъективного фактора в середине XIX в. о том, что господствующие интересы определяют ход общественного движения. Это движение пробивается к своей цели сквозь все стоящие на его пути препятствия. Тогда речь шла о социальных процессах во Франции. В конце XX в. роль субъективного фактора возросла уже до глобального масштаба, в котором господствующие интересы определяют ход мирового исторического процесса.

В возникновении кризиса, который ныне переживают *общественные системы, не вписывающиеся в объективные глобальные процессы*, значительная роль принадлежит общественным институтам, прежде всего связанным с материальной основой мирового сообщества, поэтому самая очевидная и самая обсуждаемая проблема общественного дискурса сегодня – кризис неолиберальной модели экономики.

Источник кризиса – экономический базис. Главный постулат идеолога современной макроэкономики М. Фридмана: рыночная экономика – саморегулирующаяся система, где роль государства сводится лишь к контролю за денежным обращением. Реализация этого постулата в странах с переходной экономикой после демонтажа социализма в Восточной Европе и на территории бывшего СССР способствовала утверждению неолиберализма и монетаризма в планетарном масштабе. См.: [Симоныан 2010].

Освобождённый от общественного регулирования свободный рынок привёл к обнищанию огромного количества людей и невиданному обогащению крупных корпораций, выводу из-под контроля государства системы образования и здравоохранения, к маргинализации многих слоев населения. Наиболее тяжелые формы последствий неолиберализма ощутили страны «третьего мира» и страны с переходной экономикой, в том числе Россия и бывшие советские республики.

Американским экономистом Дж. Уильямсоном в 1989 г. были подготовлены рекомендации по реформированию экономик для стран Восточной Европы и СНГ, получившие название «Вашингтонский консенсус», который стал основой для проведения одного из самых жестоких экономических экспериментов. Результаты российских реформ, оценённые международным научным сообществом как «катастрофический пример провала доктрины свободного рынка» [Гэлбрейт 2009, 57], убедительно это подтверждают.

«Вашингтонский консенсус» был по своему характеру неким символом веры *либерально-рыночной модели* глобальной экономики. В нем отразилась уверенность в том, что рыночная саморегуляция более эффективна, чем управление экономикой со стороны государства. Утверждение апологетов неоллиберализма, что «рынок всё расставит сам по своим местам», действительно подтвердилось, но только в самом антисоциальном смысле: мир резко поляризовался, увеличилась его конфликтность.

Разрушение мировой социалистической системы и превращение США в единственную сверхдержаву сыграло определяющую роль в глобализации неоллиберализма. «Рынок политических идей Восточной Европы, внезапно открытый в 1989 г., тут же оказался захвачен англо-американской продукцией под либеральным брендом» [Gowan 1997, 43]. Не менее важную роль сыграло и превращение Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ) в «бульдогов неоллиберальной идеологии» [Walker 2008, 104], наделение их особыми полномочиями в насаждении неоллиберализма в глобальном масштабе. В 1990-е гг. на деньги ВБ в России были проведены приватизация, сельскохозяйственная и налоговая реформы, реформа энергетики. В этом смысле результаты российских экономических реформ программировались. Дж. Стиглиц свидетельствует: «Пребывая во Всемирном банке, я увидел воочию, какое разрушительное воздействие может оказать глобализация на развивающиеся страны» [Стиглиц 2003, 19].

В соответствии с рекомендациями «Вашингтонского консенсуса» предоставляя **займы, МВФ, как отмечает Ханс Шреплер, выдвигает ряд требований** – свобода передвижения капиталов, тотальная приватизация (в том числе естественных монополий, железнодорожного транспорта, коммунальных услуг), минимизация или даже ликвидация правительственных расходов на социальные программы – на образование, здравоохранение, жилищное хозяйство, общественный транспорт и т.п. МВФ, Всемирный банк и другие международные финансовые институты были объединены общей направленностью своих действий на реализацию неоллиберальной модели развития мировой экономики. По словам исследователей неоллиберализма Ж. Дюмениля и Д. Леви, «ВБ и МВФ стали агентами распространения неоллиберального порядка по всему миру» [Дюмениль, Леви 2005, 74].

Логика развития глобальной экономики требует «всемирного правительства». Но в нынешних условиях расколотости мирового сообщества это невозможно. «Мировое правительство не будет создано – по крайней мере, в ближайшие несколько веков» [Белл, Иноземцев 2007, 224]. Мирового правительства нет, но есть господствующие интересы и реализующие их социально-политические институты.

Субъективный фактор истории проявляется также в стремлении форсировать события, что свойственно человеку с его ограниченным сроком жизнедеятельности. Особенно часто это происходит в состоянии эйфории, охватывающей людей в предвкушении использования открывшихся перед ними возможностей. В качестве близких нам примеров можно привести руководителей СССР, поставивших задачу в 1960 г. за 20 лет построить коммунизм, после чего впервые в истории нашей страны пришлось покупать зерно, или руководителей новой России, осуществивших самую стремительную в мире приватизацию государственной собственности, в результате чего произошла деиндустриализация великой промышленной державы.

К этому ряду можно отнести и руководителей Евросоюза, не только форсировавших темпы интеграции, но и безоглядно расширивших Еврозону, что вызвало глубокий финансовый кризис. Европейская, и тем более мировая, интеграция – слишком сложные и рискованные процессы, чтобы политические, экономические или меркантильные интересы каких-либо социальных группировок определяли их ход. Точно так же неожиданно возникшая однополярность мира открыла возможности Западу использовать глобализацию в своих целях. Западный мир, и прежде всего США, приватизировали *идеологию* глобализации, подобно тому как в 1990-е гг. новая российская номенклатура приватизировала государственную собственность России.

Идеальная модель глобальной экономики предполагает *более* равномерное развитие разных стран, чего в реальности, разумеется, нет и вряд ли будет в исторически обозримый

период. Закон о неравномерности развития никто не отменял. Даже в рамках «благополучного» Европейского союза он реализуется в формуле «Европа двух скоростей». О какой стратегии равномерного развития может идти речь применительно к большинству стран Азии и Латинской Америки, не говоря уже об Африке?

Социальные результаты неолиберальной модели. Доминирование безбрежного либерализма усилило поляризацию мира, расширился разрыв между «золотым миллиардом», *неравномерно размытым по разным странам, и основной массой населения* стран «третьего мира». По данным ООН, в 2010 г. разрыв между группой стран с высоким уровнем доходов, где проживал золотой миллиард (1004 млн чел., или 15,3% населения Земли), и группой стран с низким уровнем доходов, где сосредоточен «полус бедности» (2348 млн чел., или 37,2% населения мира), по объему ВВП составил 27 раз, по ВВП на душу населения — 64 раза, по рыночной капитализации активов — 788 раз, по затратам на здравоохранение на душу населения — 115 раз. Если в 1960 г. разница в доходах между богатейшей пятой частью и беднейшей пятой частью населения составляла 30:1, то в 1997 году она была уже 74:1 [Стукало, Авдеева 2000, 54].

Неолиберальная модель углубила социальное расслоение не только в развивающихся, но и в странах «золотого миллиарда». Рост социальной поляризации, в том числе в виде вымывания среднего класса, происходит во всём западном мире, включая США. Многие отмечают, что в результате неолиберальных рыночных реформ США стали социализмом для богатых и капитализмом для бедных. См. [Зинн 2006]. Так, в Великобритании, принявшей принцип «открытости экономики», за последнее десятилетие XX в. доходы «высших» 20% населения росли на 4,8% в год, «низших» 20% — лишь на 0,2%. Поляризация по доходу значительно увеличилась в крупных городах, так как именно там наиболее глубоко ощущаются социально-экономические издержки глобализации.

Растущая социальная поляризация угрожает безопасности и стабильности в мире. Разумеется, глубокий разрыв в условиях существования между бедными и богатыми странами существовал и прежде, во все времена. Но глобализация привнесла в качестве нового фактора такой мощный социопсихологический феномен, как эффект сравнения, в силу невиданных прежде возможностей глобальной коммуникации, доступа к небывалому объёму информации. Нищета на одном полюсе и вызывающее богатство — на другом, характерное для современного мира, является постоянно действующим генератором, вырабатывающим агрессивную нетерпимость.

Необходимо указать на ещё один аспект доминирования неолиберализма. Возрастание активности ведущих компаний и банков мира расширяет территориальные масштабы и увеличивает ресурсы транснационального капитала, что обеспечивает ему беспрецедентную мобильность и свободу деятельности на мировом рынке. Это, в свою очередь, порождает острые проблемы для всех стран мира, влияющие на происходящие в них социальные процессы. Обостряется противоречие между космополитизмом капитала и суверенитетом национального государства. Полная свобода открытому рынку, ограничение роли государства в экономической сфере создаёт риски как для регулирования распределения доходов и защиты прав граждан в социальной сфере, так и для демократии в целом. «Экономика сама по себе не работает на консолидацию демократического общества. Она генерирует мощные центробежные тенденции, которые необходимо купировать» [Токвиль 1992, 391–392].

В отличие от рынка, космополитичного по своей природе, демократия существует на конкретной территории и для тех людей, которые являются гражданами на территории этого государства. Как отмечает Дж. Комарофф, «неолиберализм подрывает не только опыт унитарной политической общины, связанной пространством-временем нации, но так же и современную идею “общества”, которая предполагает подобную территориальную архитектуру и территориальную целостность организации» [Comaroff 2009, 24]. Для рыночной экономики существуют только потребители, независимо от того, где они живут.

В демократическом государстве власть осуществляется волей большинства граждан, что является гарантией действия механизмов распределения. Свободная рыночная экономика приводит к тому, что власть находится у богатого меньшинства, которое может

и не иметь гражданства государства, где находится его собственность. Таким образом, государство утрачивает рычаги контроля над экономической сферой жизни общества, возникают проблемы в регулировании социальных процессов, прежде всего в распределении доходов. Это неизбежно приводит к росту социального неравенства. Таким образом, возникает дисбаланс Свободы и Справедливости, что увеличивает рискогенность мира. По мнению экс-президента Европейского банка реконструкции и развития Ж. Аттали, «глобализация в той форме, как она сегодня развивается, приведет к примату принципов рынка над принципами демократии и завершится падением западной цивилизации» [Attali 1997, 60].

Отсутствие государственного регулирования способствует вывозу национальных капиталов в те страны, где контроль над предпринимательской деятельностью ослаблен, налогообложение минимально, рабочая сила дешевле, экологические стандарты ниже и т.д. Демократические государства всё чаще стоят перед выбором — не уступать давлению международных монополий или идти по пути отхода от социальной направленности экономики. Сохранение социального государства — важнейшего общественного достижения в послевоенном мире — подвергается постоянной угрозе деятельности международных финансовых спекулянтов, ведущей к хозяйственной дестабилизации, понижению уровня жизни населения, социальной поляризации.

Растущая пропасть между сверхбогатыми и бедными в развитых странах аккумулирует протестный потенциал, а бедные страны становятся источниками миграции, принявшей огромные масштабы. Всплеск миграции, произошедший за последние годы, ещё один показатель кризиса современной модели глобализации. Среди причин миграции доминируют социально-экономические. Бегство из бедных стран в богатые как естественное стремление людей к лучшей жизни стратегически проигрышно для стран исхода, ибо снижает перспективы их развития.

По данным ООН, к 2015 г. численность мигрантов достигла 248 млн чел., увеличившись за 15 лет на 41%. Из них беженцев — 17,5 млн, т.е. 7%. Трудовые мигранты составляют подавляющее большинство. Миграция высокопрофессиональных («утечка мозгов») и трудоспособных работников ещё больше увеличивает пропасть между странами «золотого миллиарда» и менее развитыми государствами. В то же время миграция часто несет в себе угрозу стабильному развитию тех стран, куда прибывают мигранты. Вынужденная безработица, материальные трудности, отсутствие социального статуса толкает мигрантов к девиантным формам поведения. Под влиянием иммиграции трансформируется и бытовая культура принимающих стран. Иммигранты создают конкуренцию на рабочих местах местному населению, предлагая более дешевый труд, снижают заработки, существенно увеличивают преступность, приносят с собой другую культуру. Недовольное таким положением дел местное население, особенно молодежь, пополняет ряды антиглобалистского движения. Сегодня Запад начинает осознавать перенасыщенность иммигрантами.

Исключение государства из пространства свободного рынка оказалось серьёзной ошибкой, проявившейся как в экономической, так и в социальной, правовой, этической сферах. Практика показала, что только имеющие суверенные права правительства обладают возможностями контролировать миграционные потоки через свои национальные границы и деятельность иммигрантов на территории своей страны. Неолиберальная модель мировой экономики породила сложный узел острых общественных проблем: кризис распределения, кризис западной демократии, кризис системы ценностей, миграционный кризис, этнокультурный кризис, кризис урбанизации, экологический кризис, духовный кризис, что в совокупности и есть кризис *неолиберальной модели мировой экономики* глобализации.

Концепция «самоорганизации рынка» сыграла роковую роль. Каждый раз, когда закономерности естественных процессов пытаются автоматически перенести на социальные, это оказывается чрезвычайно опасным заблуждением. М. Фридман утверждал, что «позитивная экономика является или может стать “объективной” наукой точно в том же смысле, как любая физическая наука» [Friedman 1963, 24]. Но построить экономическую теорию по образцу физики не удалось. Да и само понятие «экономическая

20

теория» слишком обширно по содержанию, чтобы быть операциональным [Полтерович 2007, 331].

Как и во многих проявлениях субъективного в развитии общества, в концепциях неолиберализма и монетаризма можно обнаружить идеологическую позицию. «Неолиберальный рыночный фундаментализм всегда был политической доктриной, которая обслуживает определённые интересы и никогда не поддерживалась ни экономической теорией, ни историческим опытом» [Stiglitz 2008]. Созданная теоретиками концепция, как и связанная с ней деятельность транснациональных банков и транснациональных компаний, — основные субъективные факторы нынешнего кризиса глобализации.

Обострившиеся социально-экономические проблемы мировой системы приводят к нарастанию антиглобалистских тенденций: от всплеска активности различных локальных общественных объединений до возникновения широкого недовольства не только в социально-экономической, но и в социокультурной сфере. Биполярный мир обеспечивал определённую устойчивость мировой системы. Равновесие между Свободой и Справедливостью, поиски которого ведутся ещё со времён Платона и Аристотеля, поддерживалось капиталистическим «свободным миром» и «социалистическим лагерем» во главе с СССР. С его распадом наступил период полной свободы, особенно ярко проявившейся в виде рыночной стихии. При этом мир лишился единой формы («классовой») протестного движения и единого центра управления им. Ныне общественные протесты выливаются в самые многообразные формы. Наиболее массовой и органичной из них является национализм.

Человек «локальный» против человека «глобального». Конец противостояния двух мировых социально-политических систем и связанная с этим глобализация экономического неолиберализма порождают ситуацию, когда уже не «классы», а иначе формирующиеся социальные группы и общности, прежде всего этнические, стали агентами всеобщего протеста. Таким парадоксальным образом крушение социалистического лагеря ускорило реэтнизацию — резкое усиление влияния этнического фактора в современной политике и культуре, феномен, получивший название «этническое возрождение» (ethnic revival) [Smith 1981]. Многие авторы, анализируя проблемы этничности, говорят о ней в терминах её «жгучей актуальности» [Bader 1995, 17]. Растущее недовольство миропорядком канализировалось в наиболее простую и естественную форму. Её существенное преимущество перед «классовой» состоит в том, что помимо политэкономического она базируется на социокультурном фундаменте.

Взрыв национализма в конце XX в. — реакция на те аспекты глобализации, которые неумолимо диктуют определённые нормы поведения всему человечеству. Один из первых на это обратил внимание К. Ясперс, согласно которому едиными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения... Поэтому наряду с экономикой раздражителем является масскультура — *сама по себе существующая и без Америки, но в современной ситуации* ещё один эвфемизм американизации — которая, воздействуя на массовое сознание, задаёт жизненные стандарты, в том числе и стандарты потребления.

В росте национализма проявляется иммунитет человеческого сообщества к губительному единообразию и унификации социальной жизни. В этой связи следует указать на произошедший «отказ от однозначно негативного смысла, которым наделяли это понятие в советский период, и понимание национализма как комплекса идеологических представлений и политической практики, в которых приоритет отдается интересам нации и национально-культурным ценностям» [Баграмов 2010, 37]. Глобализация если и не спровоцировала, то уж, во всяком случае, актуализировала потребность в национализме. Поиск идентичности захватывает сегодня широкие слои населения как в малых, так и в больших государствах. Нация становится наиболее универсальной легитимной ценностью в политической жизни современности. «Национализм, возможно, является основной статусной идентичностью, поддерживающей современную миро-систему», — полагает И. Валлерстайн [Валлерстайн 2006, 141]. Ещё категоричнее настроен С. Дюринг, который утверждает, что «тотальный отказ от национализма ведёт к отказу от эффективного политического действия» [During 1990, 139].

Понятие «этническое», более узкое и конкретное, чем «национальное», сравнительно недавно вошло в научный лексикон. Его ввёл в середине 60-х гг. XX в. немецкий социальный антрополог Л. Мейер. В то же время произошла эволюция термина «нация» в сторону указания не на этничность, а на гражданство, на принадлежность к государству в ряде стран, где этого раньше не было. В поисках идентификации современный человек всё чаще приходит к выводу, что этничность — это, возможно, последняя единственная константа в мире социальных переменных. Все остальные роли (стремление к их разнообразию в структуре личности также связано с бегством от однообразия и монотонности бытия) могут изменяться — и гражданские, и профессиональные, и корпоративные, и конфессиональные, и политические и т.д., в последнее время даже гендерные. В любви к своему этносу определяющую роль играет иррациональная составляющая. Человеку трудно, а порой даже невозможно объяснить, почему он любит свой народ и, естественно, считает его лучшим. Здесь нет и не может быть объективности. Это чувство сродни сыновней любви к матери. Поэтому этносы изначально эгоцентричны и находятся в состоянии постоянного соперничества.

XX век показал, что при всём развитии мировых наднациональных связей и растущем признании прав человека как личности, отмечает Ю. Левада, национальная общность остаётся доминирующей «осью координат» человеческого самоопределения. Индивид не может любить чужие этносы, как свой, ибо любовь, по существу, отрицает равенство отношений. Любовь — чувство, связанное с предпочтением, привилегией, следовательно, несправедливое. Национализм — это область чувственного, но не рационального, а этническая идентификация — это мир эмоций. Ни либеральная концепция примата личности, ни социалистическая идея классовой солидарности, ни дипломатические конструкции типа «общего дома» или «мирового сообщества» не смогли преодолеть эти рамки, иррациональные по меркам модернизационных моделей начала столетия. См. [Левада 2000]. Характер и поведение народа можно отождествлять (и моделировать) с характером и поведением индивидуума. На это ещё указывал Т. Гоббс, когда писал, что народ есть нечто *единое*, он обладает *единой волей*, с ним может быть увязано *единое действие*.

В отличие от государственных формаций, где территория является основополагающим условием, земля этноса — ценность сакральная. Этнотерриториальная характеристика в течение многих веков была не менее важной, чем феноменологическая. «Для всякого индивида, — писал ещё в начале XX в. Г.Г. Шпет, — именно тот союз, который образует народ, — как нечто исторически всегда данное и отличающееся от всех свободных культурных обществ — и является абсолютно необходимым и в сравнении с ними самым существенным» [Шпет 1996 web]. В одном из своих высказываний Э. Ренан объявил «существование нации» «ежедневным плебисцитом». Этой метафорой Ренан привлёк внимание к пространственной стороне национализма. «Нации не обладают абсолютным существованием, — замечает он, — но без ясно выраженного желания продолжать жить вместе нация растворится в истории» [Renan 1992, 19]. Этничность не только культурологический, но и социологический феномен, а этнос — одна из форм социальной организации, в которой территориальная компонента приобретает статусный характер. Это подтверждается активизацией сепаратистского движения в ранее достаточно стабильных странах, что демонстрирует стремление этнических сообществ обладать преимущественно «быть еще одним народом Европы», нежели просто национальным меньшинством внутри государства. Наиболее чётко организационно-территориальный акцент этничности сформулирован в работах норвежского антрополога Ф. Барта, который исследовал этот социальный феномен в структурно-функциональном направлении, подчёркивая, что границы этнической группы, а не только культура, стоят в центре изучения этноса [Barths 1969].

Глобализация и связанный с ней космополитизм подняли волну национализма, потому что культурная многоукладность и национальная самобытность оказались под угрозой. Доминирование неолиберальной экономики создаёт политэкономический фундамент для навязывания человечеству какой-то одной формы социокультурной

практики как единственно верной, нивелировать всё его многообразие под один трафарет, а отсюда естественная реакция снизу — защитить себя, свою уникальность. «Но общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов — невозможна, — предупреждал ещё в 1921 г. один из наиболее универсальных мыслителей русского зарубежья Н. Трубецкой. — При пёстром многообразии национальных характеров и психических типов такая “общечеловеческая культура” свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи» [Трубецкой 2005, 71].

«Особенное» и «единичное» под агрессивным давлением «общего» ищут свой, в том числе и часто воспринимаемый извне как иррациональный, способ защиты. Отмечая реакцию этносов на глобальные процессы, М. Кастельс, в фундаментальной работе, посвящённой XX веку и концу тысячелетия, пишет: «Вместе с технологической революцией, трансформацией капитализма, упадком государственности мы пережили в конце века всеобщий взрыв мощных проявлений национальной идентичности, которая бросает вызов глобализации и космополитизму от имени культурной уникальности и стремления людей контролировать собственную жизнь и среду обитания» [Castells 1997, 3]. Поэтому при взгляде со стороны национализм — это всегда вызов, а при взгляде изнутри национализм — не вызов, а ответ.

Но отношение локального и глобального — это и противоречия, и глубокая взаимосвязь. Локальный этнокультурный опыт немислим вне своего наднационального составляющего — общечеловеческого контекста. Как говорил Рабиндранат Тагор, каждая нация обязана выявить перед миром свою национальную сущность. Если же нации нечего дать миру, это следует рассматривать как национальное преступление, которое никогда не прощается человеческой историей. Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее, преодолевая собственные, узкие интересы, отправить всему миру приглашение принять участие в её духовной культуре. Эти слова, произнесённые Р. Тагором на лекции в университете Кэйе во время его посещения Японии в 1916 г., образно и точно определяют диалектику общего и особенного, гуманитарное взаимодействие этноса и человечества, социокультурное предназначение каждого этноса.

Поэтому ущерб, причинённый традиционным формам социальной жизни, оказался столь болезненным. Ответная реакция — не только апелляция к культурному наследству и исторической памяти, но и завышенная оценка социокультурного своеобразия и самобытности, педалирование различий между культурами и цивилизациями, избыточность усилий по защите локальной специфики, демонизация новых форм жизни. Всё это органично переходит и в социально-политическую сферу. Отсюда возросшая агрессивность в защите своего языка, своей культуры, своей истории.

Возникают, с одной стороны, конфликты, порождаемые резкими расхождениями между локальными и «универсальными» системами ценностей, а с другой — усиление позиций националистов и национальных радикалов, происходящее в большинстве стран Запада. Нарастающие антиглобалистские тенденции связаны с тем, что люди ощущают себя не представителями некоего общего безликого мира, а конкретного этнокультурного сообщества. Идёт стихийный протест против обезличения человека, вытеснения общим частным, замещение коллективным индивидуальным, ибо развитие человечества — восхождение к разнообразию. Девиз выживания человечества — жить вместе, оставаясь разными. Мир един и целостен, но его отдельные элементы в форме дискретных человеческих общностей составляют в своей совокупности цивилизационное и культурное многоцветье, делаю его более устойчивым и жизнеспособным в эпоху усиливающейся глобализации.

Итог. Неолиберальные и монетаристские концепции и реализующие их на практике общественные институты, а также политическая воля господствующих в мировом сообществе социальных групп — эти субъективные факторы глобального кризиса — стали предпосылками появления других, углубляющих этот кризис. Массовое сознание является и общественным институтом, так как оно проявляется в верованиях, убеждениях, традициях, и источником политической воли, так как проявляется в ориентациях и установках, ибо

произойти может только то, что содержится в головах людей. Поэтому протестное поведение масс так же можно отнести к субъективным факторам кризиса современного этапа глобализации.

Ссылки — References in Russian

- Баграмов 2010 — *Баграмов Э.А.* Национальные проблемы: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 34–52.
- Белл, Иноземцев 2007 — *Белл Д., Иноземцев В.* Эпоха разобщённости. Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007
- Валлерстайн 2006 — *Валлерстайн И.* Мирово-системный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006.
- Гэлбрейт 2009 — *Гэлбрейт Дж.* Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: Европа, 2009.
- Дюмениль, Леви 2005 — *Дюмениль Ж., Леви Д.* Природа и противоречия неолиберализма // Прогнозис. 2005. Лето. С. 61–84.
- Зинн 2006 — *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней. М.: Весь мир, 2006.
- Левада 2000 — *Левада Ю.А.* От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Полтерович 2007 — *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.
- Симонян 2010 — *Симонян Р.Х.* Без гнева и притрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2010.
- Стиглиц 2003 — *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный научно-общественный фонд, 2003.
- Стукало, Авдеева 2000 — *Стукало А., Авдеева Т.* Глобализация мировой экономики // Международная жизнь. 2000. № 5. С. 49–56.
- Токвиль 1992 — *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
- Трубешкой 2005 — *Трубешкой Н.* Об истинном и ложном национализме // Стратегия России. 2005. № 7. С. 62–76.
- Шпет 1996 — *Шпет Г.* Введение в этническую психологию // <http://nashaucheba.ru/v32014/?cc=1&view=txt>
- Штомпка 1996 — *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Ядов 1998 — *Ядов В.А.* А всё же умом Россию понять можно / Россия: трансформирующееся общество. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 6–17.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 8. P. 16–25

Crisis of Liberal-Market Model of Globalization

Renald H. Simonyan

Globalization is the progressive movement of the human community towards universality and to an integral system of world order adequate to it. Historical practice shows that every transition to a new state of social relations is accompanied by crises. The causes and depth of crises are rooted in the dialectics of objective and subjective factors that accompany this transition. In the current crisis of globalization, a significant role belongs to the subjective factors of the development of society — political will and public institutions, the analysis of which is the content of the article. It is substantiated that one of the main factors of the crisis of the current stage of globalization is the neoliberal model of the economy that dominates the modern world. This model generates a set of acute social contradictions — social, economic, political, cultural, ecological, moral-psychological, defined as "global challenges". The current political economy model that increases the level of riskiness of the modern world needs to be replaced — a problem in which the subjective factor of the historical process is of great importance, becomes an increasingly relevant for the scientific community.

KEY WORDS: globalization, neo-liberalism, monetarism, social polarization, re-ethnicization, risk-taking.

Simonyan Renald H. — DSc in Sociology, Chief Researcher Institute for International Studies of MGIMO (U) the Ministry of foreign Affairs of Russia, Chief Researcher, Institute of Economics RAS.

sim@isras.ru

Received at January 30, 2018.

Citation: Simonyan, Renald H. (2018) “Crisis of Liberal-Market Model of Globalization”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2018), pp. 16–25.

DOI: 10.31857/S004287440000736-4

References

- Attali, Jacques (1997) “The Crash of Western Civilization. The Limits of Markets and Democracy”, *Foreign Policy*, Summer 1997, pp. 52–64.
- Bader, Veit-Michael (1995) *Rassismus, Ethnizität, Bürgerschaft. Soziologische und philosophische Überlegungen*, Westfälisches Dampfboot, Münster.
- Bagramov, Eduard (2010) “National Problems: in Search of New Conceptual Approaches”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2010), pp. 34–52 (in Russian).
- Barths, Fredrik (1969) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference*, Boston.
- Bell, Daniel, Inozemtsev, Vladislav (2007) *The Era of Disunity. Reflections on the World of the XXI century*, Center for Studies of Post-Industrial Society, Moscow (In Russian).
- Bush, George, Scowcroft, Brent (1999) *A World Transformed*, Knopf, N.Y.
- Castells, Manuel (1997) *The Power of Identity*, Wiley-Blackwell, Oxford.
- Comaroff, Jean (2009) “The Politics of Conviction: Faith on the Neo-liberal”, *Social Analysis*, Vol. 53, Issue 1 (2009), pp. 17–38.
- Dumînil, Gîrard, Lîvy, Dominic (2004) “The Nature and Contradictions of Neoliberalism”, *The Globalization Decade. A Critical Reader*, The Merlin Press, Fernwood Publishing, London (Russian translation).
- During, Simon (1990) “Literature – Nationalism’s other? The Case for Revision”, *Nation and Narration*, pp. 138–153.
- Friedman, Milton (1963) *The Methodology of Positive Economics. In: Essay in Positive Economics*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Galbraith, John (2004) *The Economics of Innocent Fraud: Truth for Our Time*, Houghton Mifflin Harcourt (Russian translation).
- Gowan, Peter (1997) *The Question of Europe*, Metropolitan University, London.
- Jadov, Vladimir (1998) “And Yet You Can Understand Russia with a Mind”, *Russia: a Transforming Society*, Institute of Sociology of the RAS, Moscow, pp. 6–17 (In Russian).
- Levada, Jury (2000) *From Opinions to Understanding. Sociological essays 1993–2000*, Moscow School of Political Studies (in Russian).
- Polterovich, Victor (2007) *Elements of the theory of reform*, Economics, Moscow (in Russian).
- Renan, Ernest (1992) *Qu’est-ce qu’une nation?*, Presses-Pocket, Paris.
- Shpet, Gustav (1996 web) Introduction to the Ethnic Psychology (in Russian).
- Simonyan, Renald H. (2010) *Sine Ira et Studio (Economy Reforms of the 1990-s: their Results for Russia*, Economics, Moscow (in Russian).
- Smith, Anthony (1981) *The Ethnic Revival*, Cambridge University Press.
- Stiglitz, Joseph (2002) *Globalization and its Discontents*, W.W. Norton & Company (Russian translation).
- Stiglitz, Joseph (2008) The End of Neo-liberalism? <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz101/English>
- Stukalo, Andrey, Avdeeva, Tatjana (2000) “Globalization of the World Economy”, *International Affairs*, Vol. 5 (2000), pp. 49–56 (in Russian).
- Sztompka, Piotr (1993) *The Sociology of Social Changes*, Blackwell, Oxford and Cambridge (Russian translation).
- Tocqueville, Alexis (1840) *De la Démocratie en Amérique*, Charles Gosselin, Paris (Russian translation).
- Trubetskoy, Nikolai (2005) “About True and False Nationalism”, *Strategy of Russia*, Vol. 7 (2005), pp. 62–76 (in Russian).
- Walker, Carl (2008) *Depression and Globalization: The Politics of Mental Health in 21st Century*, Springer, N.Y.
- Wallerstein, Immanuel (2004) *World-System Analysis: An Introduction*, Duke University Press, Durham (Russian translation).
- Zinn, Howard (1980) *A People’s History of the United States: 1492 – Present*, Harper & Row (Russian translation).